

ОБЩЕСТВО И ЕГО МЕНТАЛЬНОСТЬ

УДК 94(470)"19/..."; 304.2

ЭСЕРЫ О СУЩНОСТИ И ХАРАКТЕРЕ БОЛЬШЕВИСТСКОГО РЕЖИМА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

К.Н. Морозов

Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ,
Москва

mak92@internets.ru

В статье анализируются оценки эсерами сущности и характера большевистского режима в контексте противостояния партии социалистов-революционеров (ПСР) и большевиков как представителей двух ветвей русского социализма – народничества и марксизма. Принципиально важно то, что хотя большевики и эсеры вели спор между собой в рамках одной парадигмы – социалистической, ПСР предлагала иную модель социалистического общества и другие пути и методы его построения и именно с этой позиции оценивала большевистский режим.

Оценки большевистского режима и дальнейших перспектив России разнились и внутри ПСР в зависимости от фракционной принадлежности тех или иных эсеров. Эсеры-центристы и левоцентристы считали, что авантюристические и непродуманные действия большевиков, преследующих в том числе корыстные интересы удержания власти в своих руках, ведут к дискредитации самого понятия «социализм» в глазах широких народных масс и затруднят движение к нему в будущем. Но сами они движение к социализму планировали продолжить. А «правые эсеры», в том числе группа Авксентьева-Фондаминского, напротив, видели ближайшее будущее России в восстановлении разрушенной экономики «преимущественно на капиталистических началах» и в «образовании здоровой производительной буржуазии...», но обязательно при одновременном максимальном развитии демократии, самоуправления, кооперации, профсоюзов, при взаимодействии ПСР с другими демократическими партиями для общих или согласованных действий. В.М. Чернов охарактеризовал советский режим как форму государственного капитализма.

Можно констатировать, что многое из того диагноза, который эсеры поставили большевистскому режиму уже в годы гражданской войны, жизнь подтвердила, включая и уверенность эсеров в несоциалистической сущности и неизбежном крахе большевистского режима и перерождении коммунистической партии.

Ключевые слова: партия социалистов-революционеров, большевистский режим в России, Гражданская война, нэп, тоталитарный социализм, демократический социализм.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-4.1-128-148

Партия социалистов-революционеров (ПСР) явилась на политической арене России в начале XX века как преемница

«Народной воли» и как продолжательница идей и традиций народничества – старшей из двух ветвей русского социализма.

В 1917 г. ПСР стала самой популярной и многочисленной партией в немалой степени потому, что она предложила модель переустройства России, нашедшую отклик в самых различных слоях общества. Большевики, обещая массам всё, о чем те мечтали, и используя эсеровскую идею «социализации земли», перехватили инициативу и симпатии значительной части солдат, рабочих и отчасти крестьянства. Большевики, по словам Л.Д. Троцкого, фактически дважды отняли у эсеров власть: сначала в октябре 1917 г., затем в январе 1918 г., разогнав Учредительное собрание (в котором ПСР вместе с национальными эсеровскими партиями набрала 58 % голосов, тогда как большевики – 24 % [7, с. 84, 442]). И это несмотря на то, что выборы в Учредительное собрание проходили уже после захвата власти большевиками, всячески старавшимися оказать влияние на их результаты. С первых дней после большевистского переворота ПСР повела активную борьбу с большевиками и стала одной из ключевых фигур антибольшевистского сопротивления.

Само противостояние эсеров и большевиков следует рассматривать как противостояние представителей двух ветвей русского социализма – народничества и марксизма, причем это противостояние несводимо к событиям 1917 г. и Гражданской войны, когда оно достигло своего пика и протекало в самых острых формах.

Это противостояние имело глубокие корни, а его рассмотрение невозможно вне контекста почти полувековых взаимоотношений «друго-врагов» – эсеров и социал-демократов, без учета концептуальных различий их доктрин. В то же время необходимо подчеркнуть, что и большевики, и эсеры вели между собой спор в рамках одной парадигмы – социалистической. Однако

ПСР предлагала иную модель социалистического общества и другие пути и методы его построения и именно с этой позиции оценивала большевистский режим.

Кроме того, эсеры-центристы и левоцентристы считали, что авантюристические и непродуманные действия большевиков, преследующих в том числе корыстные интересы удержания власти в своих руках, ведут к дискредитации самого понятия «социализм» в глазах широких народных масс и затруднят движение к нему в будущем. Но сами они движение к социализму планировали продолжить. А «правые эсеры», в том числе группа Авксентьева-Фондаминского, напротив, видели ближайшее будущее России в восстановлении разрушенной экономики «преимущественно на капиталистических началах» и в «образовании здоровой производительной буржуазии», но обязательно при одновременном максимальном развитии демократии, самоуправления, кооперации, профсоюзов, причем ПСР должна вступать «во взаимодействие, соглашения и связь с другими социалистическими и несоциалистическими демократическими группировками для общих или согласованных действий» (см. [6, с. 929–931]).

Как руководящие органы ПСР (ЦК, а затем ЦБ), съезды, конференции и Советы партии, так и представители различных течений в ПСР (порой имевших противоположные взгляды) на протяжении многих лет остро критически высказывались о сущности, идеологии и характере большевистского режима.

С первых дней после прихода большевиков к власти ЦК ПСР в обращениях к различным классам и слоям общества не только высказывал свое резкое неприятие Октябрьского переворота, но пытался уже и

оценить сущность и характер создаваемого большевиками режима, хотя основное внимание уделялось выстраиванию партийной тактики в новых политических условиях. Отметим попутно, что сама эта тактика и борьба за нее различных течений в ПСР требует специального рассмотрения. Уже 25 октября 1917 г. ЦК ПСР выпустил воззвание «Ко всей революционной демократии России», в котором заявлялось: «Партия большевиков заняла своими отрядами банк, вокзалы, государственные учреждения в Петрограде. Она пытается захватить вооруженной силой государственную власть. Центральный Комитет Партии Социалистов-Революционеров, всегда боровшийся против плана большевиков, считает этот их шаг безумием» [5, с. 20–21; 6, с. 30].

На следующий день ЦК ПСР выпустил обращение «К рабочим, крестьянам, солдатам и матросам», в котором отмечалось, что единолично захватившие власть большевики не решают насущных проблем страны и не выполняют данных ими народу обещаний: «...Вам обещали немедленный мир, а вместо того, дадут новую, тягчайшую войну на фронте и новую гражданскую войну в стране. /.../ Вы были накануне Учредительного Собрания, – большевики его сорвали. ... Вас подло и преступно обманули. Не слушайте большевиков, покидайте их, пусть останется одинокой эта кучка отщепенцев революции, и тогда их восстание закончится немедленно и без всякого кровопролития» [6, с. 31–32].

29 октября 1917 г. в редакционной статье эсеровской газеты «Дело народа» «Изоляция, но не расправа» отмечалось: «Ленинцы-большевики объявили войну части революционной демократии... На них падает ответственность и за несомненный распад рабочего движения, и за дальнейшее

падение Советов, и за вспышку контрреволюции... Поэтому партия призвала к изоляции большевиков, к всеобщей забастовке против них. [...] Но наша борьба против большевиков не является борьбой против всех их лозунгов. Мы тоже за немедленный всеобщий демократический мир, и мы боролись за землю еще тогда, когда Ленин не родился. Но мы – решительные враги их тактики, их способов действия, мы – враги ленинства, которое развращает, дезорганизует массы, отвлекает их от действительной классовой борьбы и революционной работы» [6, с. 41–42].

2 ноября 1917 г. в редакционной статье газеты «Дело народа» справедливо утверждалось, что большевистская партия «во что бы то ни стало хочет утвердить в отсталой капиталистической стране, где класс наемных рабочих составляет ничтожное меньшинство населения, диктатуру пролетариата. С такою политикою ни одна социалистическая партия не может иметь ничего общего, ибо как международная обстановка, так и реальное соотношение общественных сил внутри страны делают совершенно утопической затеей утверждение политического господства рабочего класса. И наглядное доказательство тому – та система террора, к которой гг. большевики вынуждены прибегать, чтобы удержать в своих руках власть даже в пределах одного города» [6, с. 43].

Эсерам потребовалось время, чтобы лучше осознать, что из себя представляют путь Октября и сущность большевистского режима. Как уже отмечалось, в первое время их внимание в основном было направлено не столько на анализ сущности большевистского режима, сколько на выработку тактики противостояния и поиска эффективных путей изоляции больше-

вистской власти и свержения ее. Оценки сущности и характера создаваемого большевиками режима звучали в выступлениях делегатов IV съезда ПСР (26 ноября – 5 декабря 1917 г.). Цитаты даются по неопубликованным стенограммам съезда, хранящимся в ЦА ФСБ РФ, так как выступления делегатов были опубликованы в «Кратком отчете о работах 4-го съезда Партии социалистов-революционеров (26 ноября – 5 декабря 1917)» (Пг., 1918) с сокращениями и редакцией, порой вполне существенными) и в его резолюциях, но не были главной темой партийного съезда, делегатов которого скорее интересовала ситуация в партии, потерявшей единство, а также поиск путей противоборства с большевистским режимом.

Тем не менее «Резолюция по текущему моменту», предложенная эсером В.Г. Архангельским, давала резкую оценку большевистскому социальному законодательству: «Опыт социального законодательства так называемых народных комиссаров и приемы разрешения ими основных вопросов, выдвигаемых требованиями крестьянства и рабочего класса, приводят лишь к дальнейшему продолжению и углублению гражданской войны, ведут за собой широкий поток анархического движения среди крестьян и готовят почву для поражения всех приобретений трудового населения в социально-экономической области» [12, т. 69, л. 79].

В этой резолюции большевистский режим и его политика оценивались следующим образом: «Неспособная на созидательную государственную работу, не встречая поддержки у большинства трудового населения России, эта партия вынуждена держаться при помощи грубой силы и все растущего партийного террора; она

провозглашает диктатуру города над деревней, сея этим между ними рознь, – диктатуру наименее сознательной части солдатства и наиболее взвинченной части пролетариата над городом; она провозглашает власть советов, но за ширмой устанавливает свое олигархическое засилье над частью застигнутыми врасплох, частью подтасованными и запугиваемыми советами; в экономической области она живет за счет расточения скудных запасов, оставшихся от прошлого, расстраивая своим неумелым вмешательством всю дальнейшую работу по обеспечению продовольствия; в международной политике она решилась на опасную авантюру сепаратного перемирия и мира, на азартную игру, которая может окончиться тем, что больше всего от войны поплатится оставшаяся без союзников и окруженная со всех сторон врагами Россия» [6, с. 185].

Е.М. Ратнер в своем выступлении на съезде неразрывно связывала насильственный захват власти большевиками и творимый ими террор, которому она предрекала неизбежную эскалацию: «В настоящем политический террор, на который стали большевики и который поведет их с каждым днем все дальше и дальше, ибо есть только два пути: путь народной воли и путь насилия. И раз вставши на путь насилия, вернуться обратно на путь народной воли несомненно трудно. С каждым новым актом насилия они приобретают все больше врагов и для поражения этих новых врагов нужны все более сильные средства, и естественно, что они должны докатиться до виселицы» [12, т. 69, л. 181–182].

Кроме того, Е.М. Ратнер в общих чертах сформулировала то, что позже ляжет в основу эсеровской концепции «третьей силы»: «И мы, которые несем за собою де-

мократическое управление и народоправство, мы единственно только можем в данный момент сконцентрировать все силы, отстаивающие интересы демократии против этих обоих крыльев, ни в каком случае не поддерживать в данный момент ни террора слева, на что пошли все левые с.-р., и тот, кто стал на путь террора с большевиками, тот должен быть беспощадно раз навсегда отмечен из рядов партии. Но мы не должны поддерживать и тех, кто идет справа с Калединами, так как тем самым они станут на путь террора справа и в глазах истории, основывающейся на воле народной, будут погребены так же, как теперь погребены основывающиеся на насилии большевики» [Там же, л. 182].

Е.М. Ратнер явно считала большевистский режим виновным в развязывании гражданской войны. Но мнения по этому поводу на IV съезде ПСР, где присутствовали и левонастроенные делегаты, разошлись. Интересен вопрос, заданный в записке руководству партии: «Почему ЦК не предупредил братоубийственной войны, а допустил войска Керенского и юнкеров»? и ответ на него видного эсера Фирсова: «ЦК всячески предупреждал гражданскую войну. Я провел 5 бессонных ночей, добиваясь соглашения с большевиками, чтобы прекратить гражданскую войну. Те правые большевики, которые там были, шли целиком на наше соглашение, но они потом должны были сознаться, что они договаривались без хозяина. Ленин не хотел этого. Когда он видел, что соглашение налаживалось, он или закрывал прессу или распускал думу, или предпринимал что-либо в этом роде. Я повторяю, что с нашей стороны были употреблены все усилия, чтобы предупредить эту войну» [Там же, л. 252–253].

В декабрьском (1917 г.) воззвании «Ко всему трудовому народу России» ЦК ПСР вновь подчеркивал, что большевики не сдержали своих обещаний, и констатировал: «...Они заключают мир с врагом и разжигают войну внутри России с Доном, Уралом и украинским братским народом, покупаясь на его свободу и самостоятельность. Они обещали свободу и порядок, но зажали всем рот, запрещают собрания, закрывают газеты, вводят, как при царе, надзор за ними... Называя себя рабоче-крестьянским правительством, они не считаются с советами рабочих и крестьянских депутатов, не дают им отчета и вносят в них раскол и раздор... Но большевики, считая только себя защитниками народа, клеветают на другие социалистические партии, забрасывают их грязью, распространяют про них неправду и своими действиями усиливают врагов народа. Думая ввести социализм штыками и насилием, они разрушают и то, чего народ уже добился» (цит. по: [5, с. 27–28]).

Накануне открытия Всероссийского Учредительного собрания фракция социалистов-революционеров – депутатов собрания выпустила обращение, в котором заявлялось: «...Учредительное собрание еще не открылось, а между тем те захватчики власти, которые ввергли страну в бездну гражданской войны и анархии, вконец разрушили ее государственную и хозяйственную жизнь и создали почти неодолимое препятствие для спасения России, неустанно клеветают со столбцов своей печати на Учредительное собрание, совершают насилие над его членами, предательски срывают день его открытия и, затмевая деяния царских опричников, грозят его разогнать» [6, с. 271].

Вскоре после расстрела большевиками демонстраций в защиту Учредительно-

го собрания и разгона его самого в редакционной статье «Вся власть Учредительному собранию» в газете «Дело народа» от 7 января 1918 г. констатировалось: «Нас ... даже не поразил расстрел рабочих, мирно демонстрировавших во имя лозунга “Вся власть Учредительному собранию!”», ибо мы всегда утверждали, что совет народных комиссаров не есть правительство рабочих, солдат и крестьян, правительство социалистическое. Захватив государственную власть посредством военного насилия и самой гнусной и подлой демагогии, партия большевиков превратилась в тиранию кучки политических авантюристов, которая ни перед чем не остановится для того, чтобы удержаться у власти» [Там же, с. 308].

Шаг за шагом оценки и характеристики большевистского режима приобретают все более глубокий и отчетливый характер, как это видно из «Тезисов докладов для партийных агитаторов и пропагандистов», написанных 17 января 1918 г.: «Большевизм облекается в идеологические формы социалистического переворота и утверждения советской власти (республика советов). Ввиду невозможности социалистического переустройства при отсутствии для него материальных и социально-психологических предпосылок в обнищавшей и некультурной стране, не успевшей развить крупных форм промышленности, не создавшей крепких профессиональных рабочих организаций, испытавшей все ужасы военного разгрома и угрожаемой новым вражеским вторжением — насаждаемый большевистской властью социализм неминуемо вырождается в свою противоположность, и идеология большевизма находится в резком противоречии с его социально-политическим содержанием» (цит. по: [5, с. 33–34]).

Эсеры видели разницу между провозглашавшимися большевиками целями и лозунгами и реальными результатами их деятельности: «В области политической большевизм, поскольку еще может идти речь о наличии какой-либо власти, привел не к диктатуре рабочего класса, а к диктатуре одной политической партии и даже к персональной диктатуре нескольких ее вождей. Но в действительности страна ввергнута в состояние полного безвластия, и распыленные массы творят свою частную волю и осуществляют свои частные интересы вне всяких форм подчинения их интересам общегосударственным.

...В области социально-экономической увлекаемые лозунгами большевистского социализма, массы воспринимают из его программы одни лишь оголенные требования хаотического расхищения народного достояния и частных имуществ.

...Классовая борьба вместо борьбы против классовых основ буржуазного строя выродилась в борьбу против личной безопасности и имущества представителей буржуазных классов. Такая борьба, лишенная элементов социального творчества, ничем не отличается по своему социальному содержанию от черносотенно-погромного движения» [Там же, с. 34].

Исходя из этого анализа, эсеры сделали крайне важный и весьма категоричный вывод: «Таким образом, большевизм как движение не созидательное, а единственно разрушительное, уничтожая основы народного хозяйства, готовит катастрофическую безработицу и голод, губит дело рабочего класса и является не только в форме своего правления (диктатура вождей партии) и в методах своего действия (подавление всех свобод и террор), но и в самом своем социально-политическом содержа-

нии — движением глубоко контрреволюционным» [5, с. 34].

Член ЦК ПСР Е.М. Тимофеев в своей статье «Борьба за Учредительное Собрание и наша тактика в Советах» в марте 1918 г. обвинял большевиков в том, что они превратили Советы, возникшие как орган самоорганизации масс, в инструмент государственного насилия над массами: «Исходя из своей оценки октябрьского переворота, как начала социалистической революции, большевики отодвигают на задний план классово-организационные задачи Советов, превращая последние, прежде всего, и часто даже исключительно, в органы авторитарного государственного управления и повелевания. Делая Советы учреждениями правительственными, большевики не сплачивают вокруг них массы, а лишь подчиняют эти массы Советам» [6, с. 313].

В.М. Чернов в статье «Советы и демократия» справедливо указывал, что большевики круто меняют свое отношение к Советам только после овладения большинством в них и «...первоначально провозгласив “Советскую революцию” лишь как средство обеспечить оттягиваемый буржуазией созыв Учредительного собрания, кончают противопоставлением Советов Учредительному собранию и разгоном последнего. К этому времени относится создание новой импровизированной теории “Советской республики”, — теории, представляющей собой измену целому ряду основных социалистических и демократических принципов, лежащих в основе интернационального рабочего движения» (цит. по: [5, с. 69]). По мысли В.М. Чернова, «большевистская теория Советской республики», рабски перенятая и т.н. «левыми» с.-р., представляет собой не что иное, как новый вариант анархо-синдикализма, причем худшую его копию, из ко-

торой убрали ее основу — профсоюзы, «заменяв их импровизированными Советами, еще менее подходящими для той универсальной органической работы, которая возлагается этим на их плечи», что привело к переобременению Советов сложнейшими обязанностями, к которым Советы оказались совершенно неподготовленными и некомпетентными, что привело к их дискредитации. К дискредитации Советов привело и их «...превращение из органов идейно-политического и революционного руководства в государственные органы власти, вооруженные всеми средствами чисто полицейской репрессии» [5, с. 70].

В.М. Чернов делал весьма нерадостный для Советов и для большевистского режима вывод: «Во имя нового призвания Советов правящая партия произвела огромную дезорганизующую работу, начав с разгона столичных Дум и Учредительного Собрания и постепенно спускаясь вниз, до всех земских учреждений, земельных и продовольственных комитетов, и уничтожая все эти школы народоправства, значение которых так огромно для политически незрелых и неопытных масс. Вся совокупность этой разрушительной работы и фиктивного перечисления функций разогнанных органов народоправства к Советам на практике означало лишь создание на местах и в центре кружковой тирании, сделавшей из Советов ширмы и послушные орудия одной партии» [Там же, с. 70].

Е.М. Тимофеев считал, что подобное использование Советов и насильственное насаждение большевиками социализма и противопоставление его демократии не только пагубно само по себе и неприемлемо для ПСР, но и играет на руку контрреволюции: «... Вся большевистская эпопея... ведет лишь к дальнейшему разрушению ос-

нов нашего народного хозяйства, и без того уже исковерканного войной, и тем самым к расчищению путей для контрреволюции, которая, используя большевистские методы диктатуры и разгрома уже сложившихся органов народоуправления, не преминет использовать усталость широких масс населения от гражданской войны и их стремление к хлебу, спокойствию и порядку» [6, с. 313].

В мае 1918 г. состоялся VIII Совет партии, принявший историческое решение о вооруженной борьбе с большевистским режимом, который оценивался крайне негативно. В тезисах доклада Е.М. Тимофеева о текущем моменте констатировалось: «...Гражданская война ведется с неослабевающей энергией при помощи наемной красной армии, ни на минуту не останавливается квази-социалистическая политика в области хозяйственной жизни, и по-прежнему произвол и насилие заменяют собою всякое административное управление и всякий гражданский порядок».

...Разрушается всякая общественная организованность, вплоть до аполитической, нейтральной кооперации и советских организаций трудящихся, именем которых правят народные комиссары; упразднены все гражданские свободы, и существование населения поставлено вне каких бы то ни было норм и гарантий. Сила заменяет всякое право, чернь распоряжается судьбами народа и его достоинством, революция вырождается в пугачевщину» [Там же, с. 373–374].

В принятой на VIII Совете партии «Резолюции по текущему моменту» результаты большевистского правления оценивались так: «Шестимесячная большевистская политика привела страну к государственному распаду, полному финансовому краху, дезорганизации хозяйственной жизни,

внешнему разгрому, а в итоге всего этого Россия перестала существовать как национальное государственное целое. Этот процесс сопровождается в цензовых кругах ростом реакционных настроений и усилением ориентации на Германию в вопросах внешней политики, что угрожает усилением реставрационных течений, победа которых может быть вполне обеспечена с помощью немецких штыков. Рука об руку с реставрацией политической идет неизбежно и реставрация социальная, приводящая уже на Украине к торжественному восстановлению в полной силе частной собственности на землю, с возвратом помещикам не только имений и инвентаря, но и с возмещением им убытков, понесенных в революционное время» [Там же, с. 389].

Но этой центристской и левоцентристской оценке, поддержанной VIII Советом партии, противостояли позиции группы «правых» эсеров во главе с Н.Д. Авксентьевым и Союза возрождения России, которые считали главной угрозой и России и революционным завоеваниям февраля 1917 г. саму большевистскую диктатуру.

Особо подчеркнем, что именно тем, какую силу представители того или иного эсеровского течения считали более опасной для завоеваний революции – большевистский режим или режимы белых генералов, которые придут ему на смену, определялись тактические позиции как «правых» эсеров, так и группы «Народ»-МПСР. Центристы и левоцентристы, чья позиция в 1919 г. стала официальной линией партии, считали и большевистский, и белый режимы одинаково неприемлемыми и провозглашали борьбу на два фронта и тактику «третьей силы».

Решения конференции ПСР 6–8 февраля 1919 г. и постановление Московско-

го бюро ЦК ПСР были подтверждены Пленумом ЦК ПСР, который 5 апреля принял «Тезисы о необходимой линии поведения партии по основным вопросам дня» и приложенное к ним «Сопроводительное письмо» ЦК ПСР, где была сформулирована тактика «третьей силы»: «Руководящая идея тезисов — это идея о демократии как третьей силе, которая должна вести обязательную борьбу на два фронта против всякой диктатуры за подлинное народовластие. Отсюда категорически явствует, что ПСР ни в каком случае не может солидаризоваться с большевиками против колчаковщины или иных выявлений реакции и с Колчаком против большевиков. Стоя именно на этой точке зрения, партия осудила попытки Вольского и политику Союза Возрождения» (цит. по: [5, с. 161–162]).

Левое течение в ПСР на рубеже 1918–1919 гг. совершило очень серьезный дрейф в сторону признания большевиков меньшим злом, чем колчаковский режим — сначала к «Уфимской делегации», ведшей переговоры с большевиками, затем к группе «Народ», а затем к созданию практически независимой «советской партии» МПСР.

Самоопределение левых элементов в ПСР и поиск союза с большевиками против белых были фактически предопределены омским переворотом Колчака, загнавшим ПСР в подполье в ноябре 1918 г. Казнь же в конце 1918 г. 14 эсеров, которых колчаковцы спустили под лед Иртыша, не могла не заставить часть левых эсеров перейти от разговоров об объединении усилий с большевиками против борьбы с общим врагом — режимом Колчака — к делу. Тогда же в декабре 1918 г. часть членов ЦК ПСР и членов Исполкома съезда членов Учредительного собрания на своем совещании в Уфе принимает решение прекратить во-

оруженное сопротивление большевикам и начать переговоры с ними для консолидации своих усилий в борьбе против белого движения.

После завершения 17 января 1919 г. переговоров В.К. Вольский, Святицкий и Н.А. Шмелев от своего имени обратились с воззванием к солдатам Народной Армии Самарского Комуча, а также к солдатам сибирских, казачьих и чехословацких войск с призывом «...прекратить гражданскую войну с Советской властью, являющейся в настоящий исторический момент единственной революционной властью эксплуатируемых классов для подавления эксплуататоров, и обратить свое внимание против диктатуры Колчака» [5, с. 191].

Группа членов «Уфимской делегации» уехала для продолжения переговоров в Москву, но вскоре выяснилось, что они сильно переоценили свое влияние в партии, и значительное большинство ПСР их позиции в отношении большевиков не разделяет.

После поражения на ряде партийных форумов и особенно на IX Совете партии в июне 1919 г. собрание членов «Уфимской делегации», «группы Смирнова–Либермана» и делегатов отдельных периферийных организаций, участвовавших в IX Совете партии, было принято обращение, в котором ПСР призывалась к борьбе с реакцией, к отказу от вооруженной конфронтации с большевиками при продолжении идеологической борьбы с ними.

Это мотивировалось тем, что с момента Октябрьского переворота «...большевики стали во главе революционного движения, они повели революцию по пути осуществления ее социальных задач. И вражда к методам их действия и, скажем прямо, ложное партийное самолюбие заводили партию в ее борьбе с большевиками значи-

тельно дальше, чем то диктовалось и даже допускалось основными принципами нашей программы и тактики.

...Какой бы режим угнетения, подавления свободы и террора ни установил у нас большевизм, останутся в силе основные завоевания революции.

...Господствующая партия коммунистов все еще не желает поступиться своей диктатурой, не хочет никаких политических соглашений. Политическое соглашение она понимает лишь в форме политической капитуляции своих противников.

При таких условиях не путь политических соглашений с большевиками, не путь капитуляции предлагаем мы партии. Останемся самими собой. Будем социалистами и революционерами. Исполним свой долг перед революцией. Ведь его не снимают с нас никакие деяния большевиков. Будем неустанно и с оружием в руках бороться с реакцией, ничего не прося и не требуя за это от большевиков» [6, с. 474–479].

Фактически «народовцы» находились в плену все тех же идеалистично-наивных заблуждений и иллюзий, что двумя годами ранее левые эсеры. Концовка этого обращения поражает своим революционным романтизмом, хотя они видят, что большевики ни на йоту не откажутся от своего диктаторства, и гибель партии эсеров от рук большевиков после их победы над белыми даже у них особого сомнения не вызывает!

На противоположном «народовцам» фланге стояли правые эсеры, которые считали большевистский режим большим злом, чем режимы белых генералов. Так, например, видный эсер А.А. Аргунов в апреле 1919 г. закончил книгу «Между двумя большевизмами» следующим выводом: «При всем своем огромном вреде для

дела освобождения России большевизм справа, в особенности в лице питающих его монархически-реакционных кругов, не представляет серьезной угрозы для строительства демократической общественности, ибо, с одной стороны, всякие планы о реставрации старого строя с его политическим, а главное, социальным содержанием могут быть уделом лишь отдельных мечтателей или авантюристов, или ничтожных групп их, чуждые народной массе, пережившей революцию, а с другой стороны, большевизм справа как метод действия, как система голого насилия и террора, развращая и принижая население, не может, однако, иметь тех последствий, которые влечет за собой большевизм слева, который, объединяя метод насилия и террора с демагогическими увлекательными лозунгами во имя якобы интересов народа, говорит с ним на понятном языке и роет глубоко почву под фундаментом государственности, культуры и религии социализма и тем являет собою огромную опасность и огромное зло, не скоро изживаемое» [1, с. 45–46].

А вот что писал из Парижа «правый эсер» М.В. Вишняк своему единомышленнику А. Гельфготу 30/17 октября 1919 г.: «...тоже проецируя будущее России на третью силу, мы в реальности ее не видим, не видим третьего фронта, а только 2 фронта — из которых один беспросветен, абсолютно уничтожает всякую возможность прогресса и даже самой жизни, а другой — тоже местами чудовищный, но все-таки не сейчас, так в будущем, а б. мож., и сейчас под давлением целого ряда сил все-таки эволюционирует в сторону подлинного либерализма и демократизма (подчеркнуто красным карандашом - К.М.). Мы не давим на Колчака, но мы давим на антибольшевист-

ский фронт, как давили во время царизма не на царя, а на антигерманский фронт (*подчеркнуто красным карандашом – К.М.*), защищавший плохо, шатко и валко, но все-таки защищавший интересы России и самую Россию» [12, т. 65, л. 97].

Еще более определенно высказывался о большевистском режиме и о необходимости сосредоточить все силы на борьбе именно с ним Н.Д. Авксентьев, чье письмо от 31 октября 1919 г. его единомышленникам на Юге России попало в руки чекистов и было ими затем опубликовано: «...большевизм не только предал Россию немцам, но губит ее и внутри, приводя ее к полной, абсолютной, метафизической дыре, в которую провалится не только демократия, но и сама Россия. ...большевизм, это – полная гибель и России, и демократии, без шансов на воздействие на него и на его перерождение; антибольшевистские же фронты, не в восстановленной, а лишь становящейся России, способны к перерождению под давлением русской демократии и союзников, находящихся тоже под давлением своих демократий» [6, с. 414–415].

Но официальной линией партии, как уже отмечалось, стала позиция центристов – сторонников тактики «третьей силы», что нашло свое отражение в решениях IX Совета партии, который состоялся в июне 1919 г. Так, в резолюции «Гражданская война и задачи партии социалистов-революционеров» заявлялось, что «...П. с.-р. должна самым решительным образом не допускать внушения массам нелепых и вредных иллюзий, будто большевистская диктатура может постепенно переродиться в народовластие путем дипломатического воздействия на нее, и будто для возврата к народовластию от режима находящихся в поединке двух дик-

татур не нужно героических усилий самого народа» [Там же, с. 459].

В резолюции «Отношение к большевистской власти» были даны крайне жесткие оценки большевистского режима и констатировались итоги его двухлетнего существования: «...подмена рабочего социализма диктаторским аракчеевским коммунизмом, вытравляя из социализма самую душу его – свободу, могла привести только и привела к уродливому казарменно-бюрократическому искажению и самой жестокой компрометации высокого духа научно-социалистического учения. ...запретительный метод, которым большевистская власть пробует загнать всю жизнь в русло коммунизма, уничтожая крупную промышленность и здоровую индустриальную деятельность, ведет к возрождению примитивнейших форм мелкой торговли, спекулятивной деятельности и, не уничтожая капиталистических начал жизни, возрождает лишь самые архаические их формы за счет высших и современных. ...в соответствии с этим совершается грозный процесс культурно-хозяйственного опрощения и регресса всей страны, чреватый впадением ее в самую жалкую нищету, бескультурие и историческую беспомощность» [Там же, с. 460].

Тактике «третьей силы», провозглашавшейся решениями центральных партийных органов, оставались верны и многие местные организации. Так, например, в отчете о деятельности Одесской партийной организации, существовавшей в непростых условиях неоднократной смены власти в городе, за период с апреля 1919 г. по 1 апреля 1920 г. отмечалось, что организация осталась верна решениям последних Советов партии: «“Ни вправо, ни влево”, так можно было бы вкратце резюмировать исход-

ную точку зрения громадного большинства членов организации. Несколько человек (5-6), ушедших в апреле 1919 года к левым С.-Р., не принесли никакого ущерба организации, а выступавшая месяц тому назад с широковещательными заявлениями группа “Народ” нашла себе сочувствие в пяти-шести человеках, перешедших к ней» [10, оп. 1, д. 19, л. 131].

Тамбовские эсеры подвергали критике, в частности, такие способы пополнения правящей большевистской партии, как «партийные недели», «когда в партию зачислялись все желающие “рабочие и крестьяне”, без всяких рекомендаций», результатом которых было то, что «огульное зачисление в партию – часто насильственное – привело к тому, что партия, по названию пролетарская, фактически превратилась в “пролетарскую” с примесью явно-уголовного элемента» [10, оп. 1, д. 25, л. 58].

Эсеры на Украине в 1920 г. так определяли характер и сущность большевистского строя: «... Будучи диктатурой меньшинства, опирающейся на превосходство централизованной организации вооруженной силы над утомленным народом, отнимая у всех несогласных с политикой правящей партии право на легальное существование, этот режим неизбежно вызывает попытки насилью государства противопоставить насилье восстающего народа.

...ничего не изменяя в социальной структуре в смысле создания прогрессивных форм производства, политика коммунистической партии вносит в экономическую жизнь страны только элементы беспорядка.

...Полное экономическое банкротство большевистской власти делает совершенно иллюзорным все надежды на ее исправ-

ление и на постепенное перерождение в народовластие: логика всякой диктатуры меньшинства заключается в необходимости усиливать репрессивные начала в своей политике, так как, представляя народу свободу для выражения своей воли – она тем самым подрывает основы своего господства.

...Исторический спор между П.С.-Р. и большевиками лежит на плоскости борьбы сторонников народовластия с приверженцами советской системы. Методу насильственного благодетельствования масс вопреки их воле П.С.-Р. противопоставляет осуществление социализма для народа и *ч е р е з* народ» [10, оп. 1, д. 19, л. 99].

Деятельность большевиков по созданию III Интернационала критиковалась в резолюции ЦК ПСР о II Интернационале от 31 марта 1920 г., оглашенной в заявлении делегации ПСР на Международном социалистическом конгрессе в Женеве в июле 1920 г. (делегация, состоявшая из Д. Гавронского, Н. Русанова, В. Сухомлина (делегаты ЦК партии) и И. Рубановича (представитель партии в Международном социалистическом бюро) присутствовала на конгрессе «лишь с информационными целями»): «Оставить дело возрождения Интернационала в таком состоянии значило бы сыграть в руку сектантской политике создателей так называемого III-го Интернационала, с их безумной тактикой олигархической диктатуры, вносящей братоубийственную войну в ряды социалистов, источающей силы пролетариата в инсurreкционных авантюрах и способной при эфемерных успехах давать лишь печальный пример извращения и дискредитирования социализма путем воплощения в азиатско-деспотические и казарменно-аракчеевские формы» [4, д. 844].

В.М. Чернов охарактеризовал советский режим как форму государственного капитализма. Впервые он употребил эту формулу в «Проекте экономической программы», который был предложен на «...рассмотрение партийных организаций в дискуссионном порядке» в 1920 г. и который заканчивался следующими словами: «...П.С.-Р. объявляет современный режим не имеющим ничего общего с социализмом, из которого он вытравил самую его душу — общественную и личную свободу. С современным режимом П.С.-Р. будет бороться, как с самой уродливой фальсификацией социализма, — как с азиатски-деспотическим государственным капитализмом» [6, с. 702–703].

В обращении «К рабочим г. Одессы», опубликованном в Бюллетене Одесского Комитета Партии социалистов-революционеров» № 2 от 27 февраля 1921 г., констатировалось: «Власть Советов давно уже превратилась в диктатуру коммунистической партии, аннулировавшей основы советской конституции, о которой все еще говорят казенные газеты, выродилась в беззастенчивую диктатуру над пролетариатом, в систематическое подавление его политического сознания и воли» [12, т. 74, л. 313-313 об.].

В августе 1921 г. в Самаре прошел последний в истории ПСР — X Совет партии, который проанализировал введенный большевиками нэп и констатировал «...новый курс экономической политики власти, на который она вынуждена была встать в результате полного банкротства созданной ею экономической системы, не в состоянии остановить продолжающегося процесса развала всей народнохозяйственной жизни» [6, с. 771–772]. Общественно-политическая ситуация в

стране характеризовалась как «...момент обнаружившегося со всей очевидностью полного идейного и политического банкротства большевистской власти, потерявшей всякие моральные корни в стране и выродившейся в силу, открыто враждебную трудовым массам, в обстановке небывалой катастрофы разразившейся над страной, подготовленной всей предшествовавшей политикой власти и поставившей ее перед лицом полной гибели и вырождения», и на основе этого анализа делался вывод, что «...вопрос о революционном низвержении диктатуры коммунистической партии со всей силой жизненной необходимости становится в порядок дня, становится вопросом всего существования российской трудовой демократии» [6, с. 771–772].

Члены эсеровского ЦК, откликаясь 5 сентября 1921 г. из Бутырской тюрьмы на X Совет партии, в письме членам избранного им на смену Центрального Бюро так характеризовали трансформацию большевистского режима, приведшую к введению нэпа: «Переживаемый нами этап революции мы можем вкратце характеризовать как период ликвидации примитивно-утопической эпохи в жизни большевизма. Экономическая политика большевиков, построенная на огульной безудержной национализации всех предприятий и передаче их в руки бюрократических Главков и центров, потерпела полное крушение... Но и политическая система большевизма, построенная на диктатуре Цен. Ком. Коммунистической партии, на узурпации ею власти рабоче-крестьянских масс, на превращении советов в бюрократические учреждения, на беспощадном подавлении самостоятельности трудящихся, — обанкротилась совершенно» [4, д. 861].

Причины введения, сущность и последствия нэпа авторы письма видели в том, что «... коммунистическая партия, охваченная одной только мыслью удержания власти в своих руках во чтобы то ни стало и какой бы то ни было ценою, соглашенино с социалистической демократией и примирению с рабочим классом предпочла путь капитуляции перед отечественным и иностранным капиталом, путь соглашения с международной и своей новой и старой буржуазией. В этом весь смысл столь пышно возведенной Лениным «новой экономической политики» большевизма...

Но большевистская власть, восстанавливая одной рукой хозяйственные отношения буржуазного строя, а другой — удашая со все большим ожесточением самостоятельность и выявление воли трудовой демократии, готовит себе в наследники буржуазную реакцию» [4, д. 861].

Сидевшие в тюрьме члены ЦК ПСР так оценили сущность нового этапа развития большевистского режима: «Нашей программой определяется и наше отношение к новому экономическому курсу большевистской власти. Тем не менее X-й совет партии в своей резолюции совершенно правильно расценил этот “новый курс” как шаг вперед, как некоторый сдвиг с той мертвой точки разложения и гниения, в которой перманентно обреталось наше народное хозяйство в результате всех большевистских экспериментов. ЭТО НЕ НАШ ПУТЬ, но все же это разрыв со старой, губившей страну, экономической политикой, приоткрывающий хоть некоторую возможность для развития производительных сил, — правда сплошь и рядом в формах уродливых, примитивных и хищнических... большевизм с каждым шагом все глубже и глубже увязает в засасывающей мелко буржуазной стихии,

попадает во все большую зависимость от капитала, обрастает все новыми традициями и путями, порвать которые он не в силах. И это пленение большевизма... привело к новой фазе революции, которую мы с полным историческим правом можем назвать БОЛЬШЕВИСТСКИМ ТЕРМИДОМ» [Там же].

Таким образом, эсеры-центристы и левоцентристы подвергали нэп «критике слева», считая, что большевистская власть, постепенно перерождаясь, отдаст власть нэповской буржуазии, что поставит под угрозу интересы трудящихся.

А группа Н.Д. Авксентьева критиковала нэп справа, так как считала, что он не создаст необходимых условий для возрождения капитализма, необходимого, по их мнению, для возрождения страны.. Так, Н.Д. Авксентьев на Берлинском совещании социалистов-революционеров в декабре 1922 г. называл нэп «ублюдочной политикой, плодящей спекулятивную, а не производительную буржуазию», и подчеркивал, что «образование здоровой производительной буржуазии — при уничтожении большевизма — неизбежно, ибо восстановление разрушенного народного хозяйства будет совершаться преимущественно на капиталистических началах». Авксентьев не верил в возможность постепенной эволюции советского строя еще и потому, что «...отступая в экономической области, правящая группа не может сделать коренных уступок в области политики. Террористический абсолютизм, созданный ею, покоящийся на беспорядке населения и убивающий всякую самостоятельность его, является угрозой самого ее существования, а этот абсолютизм несовместим ни с нормальным развитием производительных сил в стране, ни с интересами и правосознанием

населения. И конфликт между современной властью и страной при этих условиях не может быть устранен при помощи компромисса. Он может быть разрешен лишь путем насильственного устранения правящей группы, лишь путем ее свержения» [6, с. 928–929].

Таким образом, мы видим, как далеко разошлись в оценке того, что является для России благом, эсеры-центристы и лево-центристы с правыми эсерами группы Авксентьева-Фондаминского, действительно став, по меткому замечанию В.М. Чернова, варварами по отношению друг к другу.

Большинство существовавших в России на рубеже 1921–1922 гг. нелегальных эсеровских организаций стояли на центристских позициях, причем начался массовый переход в них рядовых членов МПСР, которая в марте 1922 г. заявила о своем самороспуске. Примечательно, как эти местные организации в своей печати характеризовали большевистский режим. Так, например, в открывающей первый номер (10.01.1922) «Революционного дела», органа Петроградской организации партии социалистов-революционеров, статье «К читателю» уже в первой фразе содержалось определение большевистского режима как тирании, и это определение потом звучало рефреном: «Как в лучах рентгена ясен черный костяк, – в свете жизни четким стал темный лик большевизма – Тирания. И в цепях тирании задыхается человеческая личность!... Пришли с затаенными мечтами о своем мировом величии. Пришли готовые, как Герострат, сжечь храм революционной России – только бы вписать огнем и кровью имена свои в историю. Пришли те, для которых человек лишь серая глина для лепки их трона, материал для их воли!» [12, т. 73, л. 24–24 об.].

Программная статья «Без вех» этого же номера «Революционного дела» кончалась такой оценкой коммунистов: «...Истины о русской и мировой действительности они не знали, а о справедливом подходе ко всему трудовому народу, к рабочему и крестьянину, они не думали, а творили “чего ихняя левая нога желала”... Не было у них ни творчества, ни честного сотрудничества с народом, нет у них этого и сейчас. Точь-в-точь Романовы. И конец их будет такой же. Спасаться поздно» [Там же, л. 25].

В статье К-ича «Нужно делать вывод», острине которой было нацелено на оторвавшихся от материнской ПСР левых эсеров и членов МПСР, автор писал: «Социализм есть там, где есть свобода. Где нет свободы, там лишь рабство и ничего другого. Ибо социализм – это вольное творчество трудовых масс, это – творчество многогранной человеческой личности... И квадратурой круга была попытка ракапистов (ркл) ... палочными приемами насадить социализм, ибо заушлась и уничтожалась – живой факт социального процесса – человеческая личность. Вместо чаемого движения вперед получилось – и не могло не получиться – движение назад: контрреволюция. Таков грозный урок жизни, и его должен учесть каждый, кто хоть в какой-нибудь мере грешен против стройности и ясности подлинного социалистического мировоззрения» [Там же, л. 26].

Последним открытым противостоянием лицом к лицу, завершившим этап гражданской войны, явился показательный судебный процесс социалистов-революционеров, проходивший в Москве с 8 июня по 7 августа 1922 г. Фактически впервые после 1917–1918 гг., когда эсеры еще сохраняли кое-какие легальные возможности (присутствие в Советах, участие в митингах рабо-

чих и т. д.), виднейшие представители эсеровской и коммунистической партий вновь встретились лицом к лицу: с одной стороны – А. Гоц, Тимофеев, Федорович, Раков, Гендельман, Е. Ратнер, Н. Иванов, С.В. Морозов, с другой – Пятаков, Бухарин, Ф. Кон, Покровский, Крыленко и др.

Особенностью этого процесса явилось то, что полемика в зале суда далеко выходила за рамки обсуждения деяний подсудимых, так как подсудимые 1-й группы обвиняемых сами вышли на этот суд, чтобы судить большевистскую власть и те преступления, которые она совершила. Это было продолжение политической борьбы в иных условиях, иными средствами. Обе противостоящие стороны пытались доказать, что именно они и есть подлинные революционеры и защитники интересов трудового народа. Это проходило красной нитью через весь процесс и через многие его сюжеты, когда большевики пытались представить эсеров предателями трудового народа, а эсеры доказывали, что затеянная большевиками в октябре 1917 г. авантюра мало имеет общего с интересами народа. Последнее ярко проявилось и в полемике в зале суда о сущности большевистского социализма и о характере коммунистического режима.

А.Р. Гоц в защитительной речи, которую он произносил вместо ушедших с процесса адвокатов, заявил: «...Свобода это душа социализма, это – основное условие самостоятельности масс. Если вы этот жизненный нерв, эту основную сущность, если вы этот нерв перережете, тогда, конечно, от самостоятельности масс ничего не останется и тогда уже лишь прямой путь – путь к той теории, которую здесь вслед за гражданином Крыленко развивал гражданин Луначарский – к теории

о непросвещенных темных массах, которым вредно слишком много соприкасаться с политическими партиями, могущими их, неопытных, неискупленных, темных, сбить, увлечь за собою, вовлечь в такое болото, из которого они, бедненькие, никогда и не вылезут. Да что же это такое, как не классически выраженная теория Победоносцева» [7, с. 767].

А.Р. Гоц апеллировал также к книге Р. Люксембург «Русская революция», констатируя: «...она предостерегала о том, что сделали Вы, превратив свободу из общего блага всех трудящихся в привилегию и монополию одной только партии, да и то, гражданин Бухарин, не всей партии, ибо у вас вопрос о свободе для своих членов есть вопрос дискуссионный, который нужно завоевать и защищать» [Там же, с. 768]. Апелляция к Розе Люксембург А.Р. Гоца, критиковавшего большевиков за отказ от демократии, за разгон Учредительного собрания и самое главное – за принципиальный отказ от Учредительного собрания как института народного представительства, была действенным оружием против коммунистов, не выдержавших дискуссии по существу вопроса и заявивших устами Николая Бухарина, что Роза Люксембург хотела сжечь эту рукопись.

Член ЦК ПСР Е.М. Тимофеев на судебном процессе 1922 г., обращаясь к коммунистам, заявил: «Социализм, утверждаемый пттыками, социализм, который провозглашает своим лозунгом фунт пролетарию и полфунта буржую, социализм, который говорит, что только дурак может говорить о производстве – как это утверждал Ленин в 19-м году, – такой социализм – не наш социализм. Мы в этом отношении сторонники старого социализма. Мы знаем, что социализм есть результат развития

производственных сил и что России сейчас менее всего приходится думать о социализме. Только опираясь на наших братьев на Западе, мы, может быть, сможем принять участие в этой великой исторической борьбе, которая служит содержанием этой эпохи» [8, с. 119–120].

Критика сущности большевистского режима звучала на протяжении всего процесса, в том числе в защитительных и последних речах подсудимых первой группы, которые по стенограммам судебного процесса были опубликованы в сборнике «Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги» в 2002 г., в работе над которым принимал участие и автор данной статьи [11].

Солидаризируясь с подсудимыми процесса, эсеры Украины в «Бюллетене Всеукраинского комитета Партии социалистов-революционеров, № 14, 16-го июня 1922» в редакционной статье «Наш контрбывинительный акт» заявляли: «Мы обвиняем коммунистическую партию в том, что исходя из ложных предпосылок, она изменила истинному социализму, привела к гибели страну и затруднила трудящимся борьбу с капиталистическим миром. По нашему мнению, завоевать социализм можно лишь путем не подавления свободы, а укрепления народовластия, не декретами сверху, а развитием инициативы, самостоятельностью снизу, не раскалывая, а объединяя (на деле, а не на словах) фронт трудящихся, не демагогией, а требованием служить истине и справедливости» [12, т. 74, л. 85–86 об.].

В последующие годы эсеры как в России, так и в эмиграции продолжали анализ сущности и тенденций развития коммунистического режима. Результаты этого ана-

лиза нашли отражение в основном в эмигрантской прессе, а также в фундаментальном труде В.М. Чернова «Конструктивный социализм», первый том которого увидел свет в 1925 г., а второй – лишь в 1997 г. [13]. Но это предмет отдельного исследования.

Завершая, можно констатировать, что многое из того диагноза, который эсеры поставили большевистскому режиму уже в годы Гражданской войны, жизнь подтвердила, включая и уверенность эсеров в несоциалистической сущности и неизбежном крахе большевистского режима и в перерождении коммунистической партии. Кажется парадоксальным, что диагноз подтвердился много десятилетий спустя и в совершенно иной исторической обстановке. Но это парадоксально только на первый взгляд. Всё, что эсеры диагностировали с самого начала: невозможность построения социализма в стране с незрелыми для этого экономическими, социальными, культурными и психологическими предпосылками; опора режима не на самостоятельность и инициативу масс в этом строительстве, а на принуждение и устрашение; развитие государственного террора до таких количественных и качественных характеристик, которые не имели аналогов в предшествующей истории и разрушали саму ткань общества; перерождение самой партии (именно это имела в виду член ЦК ПСР Е.М. Ратнер, говоря в своей последней речи на процессе 1922 г. о моральном экспериментаторстве большевиков) – подтвердилось в течение последующих десятилетий.

Слишком далеко коммунисты зашли по пути «железа и крови», стремясь удерживать власть и уничтожить всех своих врагов. Последнее им удалось, но это не вы-

лечило режим от присущих ему болезней, которые дали метастазы и в конечном счете и убили этот режим, когда уже никто этого не ожидал. Пониманию того, почему коммунистический режим просуществовал намного дольше, чем ожидали его противники в годы Гражданской войны, может способствовать следующее соображение члена ЦК ПСР Е.М. Тимофеева на процессе с.-р. в 1922 г., высказанное в контексте осмысления неудач тактики эсеровского руководства в начале 1918 г. Надеясь на быстрый «отход трудовых масс от большевизма», эсеры стали укреплять свои позиции среди рабочих Питера и Москвы, которые горячо поддерживали «движение уполномоченных», рассчитывая подорвать социальную базу большевиков и отстранить их от власти. Но ставка эсеров на завоевание более или менее многочисленных и влиятельных слоев рабочего класса оказалась нереализуемой не только потому, что большевики обрушились на это движение всей мощью своего репрессивного аппарата, но прежде всего потому, что в связи с закрытием множества заводов и наступавшего голода огромная часть рабочих стала покидать города, уходя в продотряды или просто перебираясь к родственникам в деревню, поближе к хлебу. И как справедливо констатировал Е.М. Тимофеев в 1922 г., «...мы забыли, что в Русской истории имеется предохранительный клапан: что русские трудовые элементы во все времена разрешали трудные проблемы своей жизни не тем, что становились лицом к лицу к своим классовым врагам, а тем, что уходили от него» [12, т. 23, л. 179–184]. Таким образом, источник длительного существования советской власти не столько во всенародной поддержке ее (как это всегда ут-

верждалось официальной пропагандой), сколько в этом эскапизме, свойственном русскому народу. Кроме того, коммунисты стали менять реальность и саму ткань общества, с одной стороны, пытаясь укрепить свою социальную базу, а с другой – сократить социальную базу своих противников, не останавливаясь перед оголтелой пропагандой, перед массовым террором, запугиванием и физическим уничтожением всех своих противников и «эксплуататорских классов». Это привело их к победе, которой они упивались, искренне считая, что «победителей не судят!», но эта победа была пирровой, приведшей их в конечном счете к перерождению и гибели. Ломая старые «правила» политической игры, разрушая старую субкультуру и этические принципы, проповедуя «моральное экспериментаторство» и революционную целесообразность, коммунистическая верхушка была уверена в верности как избранного пути, так и правомерности используемых методов, показавших свою эффективность. Но прошло лишь одно десятилетие, и на почве «красного террора» и всевластной «чрезвычайки», на почве попрания демократических свобод и инакомыслия в стране и даже в самой правящей партии выросла такая бюрократия, которая замечательно была оценена членом ЦК ПСР Е.М. Тимофеевым еще за несколько лет до репрессий коммунистического аппарата 1936–1938 гг.: «Ведь создали такой аппарат, который, не задумываясь, и Ленина уничтожил бы» [3, с. 205].

Именно переродившаяся коммунистическая бюрократия привела советский строй к краху, а затем отказалась от Ленина и своих коммунистических идеалов, но зато, «приватизировав» всё, что было создано трудом нескольких советских поко-

лений, встала во главе строительства «дикого капитализма» в «стране победившего социализма». И, несмотря на то что в ВКП(б) и в КПСС были миллионы честных коммунистов, партия выродилась в то, что, по меткому выражению Е.М. Ратнер, нельзя назвать даже «честной политической партией». Такого немислимого кульбита коммунистической бюрократии никто из противников и оппонентов большевиков в двадцатые годы даже представить себе не мог. Такова безжалостная ирония истории.

И еще одно. Весной 1917 г. знаменитый публицист В. Розанов в своем «Апокалипсисе нашего времени» восклицал: «Русь слиняла в два дня. Самое большее – в три. Даже “Новое время” нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь. Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частностей» (цит. по: [9, с. 541–542]). В 1991 г. мы снова пережили рассыпание режима, его институций, его идеологии, которые также изжили себя и стали живыми трупами, которым уже никто не верил. Как справедливо утверждал М. Вишняк в 1931 г., «...Как и абсолютизм на Западе, абсолютизм в России начал падать задолго до окончательного своего ниспровержения. Он стал разлагаться фактически гораздо раньше своего крушения de jure.

...Сохранение царского абсолютизма в течение лишних по меньшей мере десятилетий, как и существование коммунистического абсолютизма в течение годов, неопровержимо свидетельствует, что “законы политической экономии”, которые Ленин, сам Ленин, признал могущественнее советской власти, – только в конечном счете, *subspeciehistorica*, могут являться решающими» [2, с. 9].

Что царский, что советский режимы потому так стремительно и рухнули, что на их защиту практически никто не встал, что они уже были живыми трупами, они год за годом, месяц за месяцем постепенно умирали в головах людей, в глазах различных классов и слоев общества. Представляется, что самодержавие и советский режим гибли дважды: сначала в умах людей, затем в реальности (можно сказать, что в России режимы не столько свержают, сколько они сгнивают до основания сами и падают неожиданно для современников).

Этим и объясняется та странность, что диагноз, поставленный эсерами (и не только ими) коммунистическому режиму, окончательно подтвердился лишь семь десятилетий спустя, когда ни Ленина, ни Сталина, ни их противников уже давно не было в живых.

Литература

1. *Арзунов А.А.* Между двумя большевизмами. – Париж: Union, 1919. – 47 с.
2. *Вишняк М.* Два пути: Февраль и Октябрь. – Париж: Annales contemporaines, 1931. – 287 с.
3. Е.М. Тимофеев и другие члены ЦК ПСР после процесса 1922 г. / публ. М. Янсена // Минувшее: исторический альманах. – М., 1992. – Вып. 7.
4. Международный институт социальной истории (МИСИ) (Амстердам). Архив ПСР (использованы фотокопии, хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ)).
5. Партия социалистов-революционеров после Октябрьского переворота 1917 года: документы из архива п. с.-р. – Amsterdam, 1989.
6. Партия социалистов-революционеров: документы и материалы. В 3 т. Т. 3, ч. 2. – М., 2000.
7. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. – М., 1996.

8. Правозсеровский политический процесс в Москве, 8 июня – 4 августа 1922 г. Стенограммы судебных заседаний: в 14 т. Т. 1–2 / сост.: В.К. Виноградов, А.А. Литвин, В.Н. Сафонов, В.С. Христофоров; науч. ред. А.А. Литвин. – М., 2011.

9. Розанов В.В. Из предсмертных мыслей // В.В. Розанов. Несовместимые контрасты жизни. Литературно-эстетические работы разных лет. – М., 1999.

10. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 274.

11. Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.). Подготовка. Проведение. Итоги / сост. С.А. Красильников, К.Н. Морозов, И.В. Чубыкин. – М., 2002.

12. Центральный архив ФСБ РФ. – Ф. Н–1789.

13. Чернов В.М. Конструктивный социализм. – М., 1997.

SOCIALIST-REVOLUTIONARIES ABOUT THE ESSENCE AND CHARACTER OF THE BOLSHEVIST REGIME IN THE YEARS OF CIVIL WAR

K.N. Morozov

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration,
Moscow

mak92@internets.ru

The author analyzes how Socialist-Revolutionaries estimated the character of the Bolshevik regime. He considers this in the context of the opposition between Socialist-Revolutionaries (PSR) and Bolsheviks as representatives of two branches of the Russian socialism – Narodничество and Marxism. This opposition had a long history and roots. It must be taken into account that their doctrines had different nature and were derived from different concepts. At the same time it is a fundamental issue that Bolsheviks and Socialist-Revolutionaries argued in the frames of one socialist paradigm, but PSR offered another model of socialist society and other ways and means of its construction and they estimated the Bolshevik regime from this point of view.

The evaluations of the Bolshevik regime differed among the PSR members according to the group attachment of this or that PSR member. Centrists and Left-Centrists argued that adventurous and ill-considered actions of Bolsheviks pursuing among others selfish interests would lead to the discredit of the conception of socialism in the eyes of the masses and impede the movement to it in future. “The Right-Wing PSR members” including the group of Avksent’ev and Fondaminsky saw the near future of Russia in recovery of destroyed economy mainly on the capitalist basis and by “the formation of a healthy productive bourgeoisie” but necessarily with simultaneous development of democracy, self-government, cooperation, trade-unions and with PSR cooperation with other democratic parties for common or coordinated actions. V.M. Chernov characterized the Soviet regime as a form of state capitalism.

All those Socialist-Revolutionaries stated from the very beginning: the impossibility of building socialism in the country with unready economic, social, cultural and psychological prerequisites; the regime relies not on the mass initiative but on the coercion and intimidation; the development of state terror to enormous quantitative and qualitative degrees which had no analogues in the previous history and

destroyed the society structure; the degeneration of the Bolshevik party itself (E.M. Ratner pointed out this fact, which happened in 1922, at the PSR Trial, speaking about moral experimentation of Bolsheviks) – all this was confirmed during the next decades

Keywords: Socialist-Revolutionary Party, Bolshevik regime in Russia, civil war, new economic policy, totalitarian socialism, democratic socialism.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-4.1-128-148

References

1. Argunov A.A. *Mezhdv dvumya bol'shevizmami* [Between two bolshevisms]. Paris, Union, 1919. 47 p.
2. Vishnyak M. *Dva puti: Fevral' i Oktyabr'* [Two ways: February and October]. Paris, Annales contemporaines, 1931. 287 p.
3. E.M. Timofeev i drugie chleny TsK PSR posle protsessy 1922 g. [E.M. Timofeev and Other Members of PSR Central Committee after 1922 Trial]. Publ. M. Jansen. *Minushee. Istorichesky Al'manakh* [The Past: Historical Almanac]. Moscow, 1992, iss. 7.
4. International Institute for Social History (IISH) (Amsterdam). PSR Archive (the author worked with filmocopies stored in Russian State Archive for Social-Political History (RGASPI)).
5. *Partiya sotsialistov-revolutsionerov posle Oktyabr'skogo perevorota 1917 goda: dokumenty iz arkhiva P. J.-R.* [The Socialist-revolutionary Party after October 1917. Documents from the PSR Archives]. Amsterdam, 1989.
6. *Partiya sotsialistov-revolutsionerov. Dokumenty i materialy.* V 3 t. T. 3, ch. 2 [Socialist-revolutionary party. Documents and materials. In 3 vol. Vol. 3, pt. 2]. Moscow, 2000.
7. *Politicheskie partii Rossii. Konets XIX – pervaya tret' XX veka. Entsiklopediya* [Political Parties of Russia. End of the XIX – the first third of the XX century. Encyclopedia]. Moscow, 1996.
8. Vinogradov V.K., Litvin A.L., Safonov V.N., Khristoforov V.S., comps. *Pravoosernskii politicheskii protsess v Moskve, 8 iyunya – 4 avgusta 1922 g. Stenogrammy sudebnykh zasedaniy.* v 14 t. T. 1–2 [The political Trial of right esers in Moscow, 8 June – 4 August 1922. Transcripts of court hearings. In 14 vol. Vol. 1–2]. Moscow, 2011.
9. Rozanov V.V. *Iz predsmertnykh myslei* [From the thoughts of dying]. Rozanov V.V. *Nesovmestimye kontrasty zhitiya. Literaturno-esteticheskie raboty raznykh let* [Incompatible contrasts lives. The literary-aesthetic works of different years]. Moscow, 1999.
10. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI)* [Russian state archive for social-political history (RSASPH)]. F. 274.
11. Krasil'nikov S.A., Morozov K.N., Chubykin I.V., comps. *Sudebnyi protsess nad sotsialistami-revolutsionerami (iyun'–avgust 1922 g.). Podgotovka. Provedenie. Itogi* [1922 PSR Trial (June – August 1922): Preparation. Holding. Results]. Moscow, 2002.
12. *Tsentrallyi arkhiv FSB RF* [FSB Central Archive]. F. N–1789.
13. Chernov V.M. *Konstruktivnyi sotsializm* [Constructive Socialism]. Moscow, 1997.